

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ И ЛИЧНОСТНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПРАВОСЛАВИЯ В РОССИИ И СЕРБИИ

© 2014

С.Д. Лебедев, М. Благоевич

Для “поздней современности”, наряду с другими глобальными тенденциями, характерна перемена отношения к религиозной жизни. Ведущие исследователи социально-религиозных процессов отмечают, что в сегодняшнем (постиндустриальном, позднемодерном, постмодерном) мире религии возвращают себе позиции, утраченные за несколько столетий секуляризации. Этот глобальный социальный факт находит выражение в различных терминах: “десекуляризация”, “религиозный бум”, “религиозный ренессанс”, “ревитализация религии”¹.

Остановимся на последнем термине, который представляется наиболее корректным и социологически точным. Под ревитализацией религии мы понимаем количественный рост и качественное усложнение религиозной составляющей социума, которые обозначились после длительного периода ее институционального упадка, усугубленного в ряде стран насильственной государственной политикой. Для России и Сербии в данной связи наиболее актуально православие, выступающее здесь основным представителем и даже символом института религии. Поэтому далее речь пойдет прежде всего о нем.

Проблема “ревитализации религии” в обществе требует двоякого рассмотрения: анализа духовных потребностей и запросов людей и анализа конкретных культурных символов, ценностей и норм, в которых эти запросы “кристаллизуются” и выражаются. Обе субстанции феноменологически тесно взаимосвязаны и переплетены, однако исторически длительная секуляризация привела к их заметному разделению и взаимному “смещению”. Религиозность в эпоху модерна явственно обретает два измерения: личностное и социокультурное².

В несколько упрощенном виде эта связь может быть представлена как отношение духовного содержания и культурно-социальной формы религии. Процессы ревитализации религии на

Лебедев

Сергей

Дмитриевич —

кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия). В журнале “Человек” публикуется впервые. E-mail: serg_ka2001-dar@mail.ru

Благоевич

Мирко —

доктор социологических наук, руководитель Центра религиозных исследований Института философии и общественной теории Университета Белграда (Сербия). В журнале “Человек” публикуется впервые. E-mail: blagomil91@sbb.rs

личностном, собственно духовном уровне выражаются в ментальных сдвигах, изменениях в базисных социальных настроениях в сторону усиления влияния ценностей и социальных образцов, традиционно легитимируемых религиозными системами. Аналогичные процессы на социокультурном уровне проявляются в усилении социального влияния конкретных конфессиональных “символических универсумов”³ и репрезентирующих их религиозных объединений.

Важнейшим вектором ревитализации религии в российском и сербском национальных сообществах становится “рехристианизация” (термин Л.А. Андреевой) в ее православном варианте. В ходе структурного анализа этого процесса можно выделить два модуля — внутренний и внешний.

Внутренний модус — это ценностные ориентации, когнитивные представления, императивы поведения, принимаемые на индивидуально-личностном уровне. Он включает в себя по меньшей мере три интенции, характеризующие глубинное изменение образа мысли:

- *Спиритуализация.* Содержательно она определяется глубинным поворотом от материалистических доминант современного сознания, характерных для светской культуры, к “сверхчувственным” и “сверхразумным” основаниям жизни. Главным принципом этого нового мировосприятия выступает то, что “сверхсознательная интуиция лежит в основе всего чувственного и логического познания или ценностного опыта”⁴. Эмпирически это выражается “в виде распространения мистических течений, идей религиозного синкретизма, с одной стороны, и возвращения в лоно традиционной культуры и исторической церкви — с другой”⁵. Высшая легитимация социальных фактов и социальных действий здесь возводится к собственному либо заимствуемому у религиозных авторитетов опыту переживания священного-сверхъестественного.

- *Этизация.* Секуляризация морали, ведущая к прагматически-разумному, а затем и безумному эгоизму, основанному на безудержном гедонизме, и неспособность светской культуры сформировать влиятельный противовес этой самоубийственной “деконструкции” заставляет людей обращаться к религии как к надежному “запаснику” культуры, хранящему проверенные временем идеалы и образцы священного. Этизация предполагает осознанный поворот под влиянием религиозной этики к ныне дефицитным моральным ценностям. Речь идет прежде всего о традиционных ценностях, освящаемых религией и потому тесно ассоциируемых с ней. Таковы ценности семьи, родины, возрастной иерархии (уважения к старшим), деторождения, общественного согласия, стабильности и др.

- *Конфессионализация.* Эта интенция основана на отнесении к ценности конкретной конфессии. В нашем случае статус ценности обретает православие в его национальных проявлениях — “русского” и “сербского”. После крушения идеологии коммуниз-

¹ См.: Благоевич М. Измерения религиозности граждан Сербии: эмпирический подход // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Право. 2012. Т. 19. № 2 (121). С. 71–80; Он же. Десекуляризация сербского общества // Теория и практика общественного развития. 2012. № 4. С. 105–111.

² Лебедев С.Д. Парадоксы религиозности в мире позднего модерна // Социологич. исследования. 2010. № 12. С. 91.

³ См.: Лебедев С.Д. Религиозная и светская культуры как типы систем социального знания. Белгород, 2003.

⁴ Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени / Пер. с англ., послесл. Т.С. Васильевой. М., 1997. С. 38.

⁵ Синелина Ю.Ю. Секуляризация в социальной истории России. М., 2004. С. 160–161.

ма оно становится общезначимым символом и важным идейным основанием национальной идентичности. Ценность конфессии проявляется в высоком уровне доверия населения к церковным институциям, в преобладании в массовом сознании позитивного имиджа православной церкви и в наличии устойчивого запроса на взаимодействие церкви и светского общества. Д.Е. Фурман и К. Каарийнен еще 10 лет назад констатировали в России своеобразную тенденцию, выражающуюся в почти всеобщем “хорошем и очень хорошем отношении к православию” на фоне роста негативного отношения к нетрадиционным религиям и конфессиям⁶. Характерно, что эту тенденцию не смогли существенно поколебать даже громкие медийные скандалы вокруг Русской православной церкви (РПЦ) в 2011 и 2012 году⁷.

Эмпирические социологические исследования и опросы общественного мнения в Сербии также показали высокий рейтинг Сербской православной церкви (СПЦ) по сравнению с другими социальными институтами. Проводимые с 2010 года исследования религиозности граждан Сербии показывают, что респонденты более чем в половине случаев доверяют только СПЦ (60,8%), в то время как все другие социальные учреждения и организации вызывают у них доверие менее чем в 50% случаев. Например, доверие граждан системе образования Сербии достигает 49% от числа респондентов, армии — около 43%, судебной системе — около 23%, ЕС — около 21%, власти и государственному управлению — 14%, политическим партиям — 6,4%⁸.

Последнее исследование религиозных, нравственных и социально-политических ценностей студентов, проведенное в 2013 году на репрезентативной выборке студентов во всех государственных и ряде частных университетов Сербии, также показало аналогичные результаты, хотя студенты являются несколько более критично настроенной социальной группой граждан Сербии. Как и следовало ожидать, сербские студенты в большинстве своем отдают приоритет доверия системе образования (57%), а все другие учреждения, в том числе СПЦ, вызывают у них доверие менее чем в половине случаев. Тем не менее доверие к СПЦ достигает у них почти 44%, в то время как армии доверяют 42% студентов, полиции — 25%, правительству — 9%, политическим партиям — 5%⁹.

Внешний модус — это рост и усиление культурного и общественного влияния религии и конфессии. Ему соответствуют, в свою очередь, две интенции:

• *Рост трансляции конфессиональной тематики в средствах массовой информации и коммуникации.* Речь идет об устойчивом достаточно интенсивном потоке сообщений, тематически связанных с различными аспектами православной культуры. За последние два с небольшим десятилетия на всех каналах массовой коммуникации сформировался специализированный “православный” сегмент. Можно говорить о существовании православного информационного поля, влияющего на массовые контек-

*С. Лебедев,
М. Благоевич*
Институциональ-
ная и личностная
идентификация
православия в
России и Сербии

⁶ Фурман Д.Е., Каарийнен К. Религиозная стабилизация. Отношение к религии в современной России // Свободная мысль — XXI. 2003. № 7. С. 19–31.

⁷ См.: Синелина Ю.Ю. Церковь и интеллигенция: мифы и реальность // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 4 (110). Июль—август.

С. 68; Мчедлова М.М. Современные параметры возвращения религии: ракурсы проблемы // Вестник Института социологии. 2012. № 4. С. 18.

⁸ Religioznost građana Srbije i njihov odnos prema evropskim integracijama. Beograd. 2011. S. 32.

⁹ (Post) Sekular turn: Religious, Moral and Socio-Political Values of the Student Population in Serbia / Ed. by M. Blagojevic, J. Maksimovic, T. Bajovic. Belgrade, 2013. P. 58.

¹⁰ Филатов С.Б. Новое рождение старой идеи: православие как национальный символ // Политич. исследования. 1999. № 3. С. 141.

¹¹ Зимова Н.С. Православный интернет // Социология религии в обществе Позднего Модерна: Материалы Российской научной конференции с международным участием. НИУ «БелГУ». 10 февраля 2011 года / Науч. ред. С.Д. Лебедев. Белгород, 2011. С. 144.

¹² Светское государство — гарант общественного мира: Материалы общественной конференции, состоявшейся в Москве, в гостинице «Метрополь» 25 ноября 2012 года. М., 2013. С. 71–131.

¹³ Зайченко А. Авторитет как политический ресурс церкви // Религия и право. 2003. № 4. С. 6.

¹⁴ Bakharev V., Lebedev S. Missionary Activity and Social Service of the Russian Orthodox Church in the Border Regions: To Sociological Analysis // A priest on the border / Ed. by D.B. Đorđević, D. Todorović, M. Jovanović. Niš, 2013. P. 5–11.

ты повседневности. С конца 1990-х годов “для большинства населения в целом и верующих в частности основными источниками религиозных знаний, взглядов и верований служат средства массовой информации, художественная литература”¹⁰. Наиболее динамичный рост характерен для сферы интернет-коммуникаций: на начало 2011 года общее количество российских православных сайтов достигло 5000¹¹.

• *Усиление фактического влияния церковных институций.* Некоторые исследователи в данной связи говорят о клерикализации важнейших сфер российской социальной жизни — в частности образования, армии, политики¹². Клерикализация — это завоевание общественного пространства церковью и церковной иерархией, ведущее к перераспределению политической, экономической и военной власти в стране и усилению позиции церкви в решении значимых социальных проблем.

Действительно, в действиях священноначалия РПЦ и в меньшей степени — СПЦ можно усмотреть тенденции к расширению собственного поля власти в некоторых областях социальной жизни. Тем не менее, на наш взгляд, их не стоит переоценивать. Так, непосредственный властный ресурс РПЦ в российском обществе, по оценке некоторых экспертов, является минимальным¹³, что объективно делает эту структуру сателлитом государства. Что касается СПЦ, то по мнению сербского историка С. Марковича, сегодня нельзя говорить о клерикализации Сербии как о господствующей общественной тенденции, поскольку для этого отсутствуют необходимые предпосылки. Во-первых, число активных набожных верующих не составляет значительного большинства от общей численности населения; во-вторых, в обществе не существует сильной традиции церковного духа; в-третьих, духовенство не имеет достаточного политического и экономического могущества, чтобы относиться к государству как к равному или как к старшему партнеру.

Государства обеих стран после распада СССР и СРФЮ и дезавуирования коммунистической идеологии определенно заинтересованы в церкви как значимом источнике своей легитимации. Ее надежность, высокий социальный и культурный авторитет в сочетании с отсутствием сопоставимых по масштабу конкурентов привели к поддержке государством церковных структур на уровне центральной власти и регионов. Но при этом, как представляется, государства и России, и Сербии менее всего заинтересованы в передаче церкви каких-либо властных полномочий. Таким образом, более уместно говорить не о клерикализации общества, а о возрождении в нем интереса к религии¹⁴.

Административный и информационный ресурсы церковных институций представляют скорее инструментальную ценность в плане возвращения и утверждения религии как социального мейнстрима. Однако на данном поприще они все больше рискуют уподобиться “соли, потерявшей силу”. Тем не менее церковные институции очень хорошо вписываются в плюралистичес-

кие светские контексты современной жизни как “еще одна корпорация” и “еще один дискурс”. При этом они обладают солидным запасом системной инерции, чтобы просуществовать долго, сохраняя необходимые признаки культурной “особости” и организационной автономии.

Фактически можно говорить о трех соприкасающихся и частично пересекающихся, но на данном этапе разнонаправленных процессах, протекающих в общественном сознании: спиритуализации, этизации и конфессионализации.

Спиритуализация, взятая сама по себе, варьируется от растущего интереса к идейной, смысловой составляющей человеческой жизни (“идеономика”, различные психологические концепции и техники) до мистицизма, крайнюю точку которого представляет эскапистский уход в “магелланы астральных пространств”.

Спектр *конфессионализации* представлен явлениями от сугубо симулятивной идентификации с конфессией¹⁵ до полного ухода людей в “политическое православие” или/и ритуальную жизнь церкви.

Что касается *этизации*, то эта тенденция в современном российском и сербском обществах практически не исследована. Определенно можно утверждать, что она представлена главным образом слабыми формами: протестом (в основном пассивным) против “катастрофического постмодерна” и консервативными попытками утверждения традиционных морально-нравственных ценностей в ситуации “текучей современности”. Активных попыток в направлении выработки и “обкатки” действительно новых и вместе с тем жизнеспособных этических моделей на религиозной или светской основе сегодня почти не заметно.

Дальнейшее реальное воплощение прогноза/проекта рехристианизации, имеющего в России и в Сербии православное “лицо”, в решающей мере зависит от того, насколько действующим в наших обществах прохристианским силам удастся соотнести и привести к синергическому единству все основные модули и направления, составляющие ее содержание. В этой связи основой всей грандиозной работы по рехристианизации общества представляется именно этическая интенция: утверждение и институционализация нового (в действительности же хорошо забытого старого) способа отношения человека к человеку, обществу и природе, основанного на альтруистической любви, понимании, доверии и гармонии развития. Приоритеты этой деятельности — миссионерской в предельно расширенном значении этого понятия — призваны скоординировать направления и регулятивные механизмы непосредственного взаимодействия церкви и общества: как в сфере информационно-коммуникационной, так и в сфере более “жестких” политических, административных и правовых форм.

¹⁵ Дубин Б.В. Жить в России на рубеже столетий. Социологические очерки и разработки. М., 2007. С. 184.